

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Круглый стол, посвященный 10-летию создания факультета социологии С.-Петербургского государственного университета и С.-Петербургского филиала Института социологии РАН

30 марта 1999 г.

Козловский В. В. (проф. ф-та социологии СПбГУ, гл. редактор «Журнала социологии и социальной антропологии»): Кто хотел бы выступить первым на эту обширную тему: «Социология в Санкт-Петербурге»? Есть ли таковая, можно ли говорить о социологии региональной, метафорически хотя бы? Был же журнал «Петербургская социология», редактором которого был Альберт Баранов? Мы только по иному поставили слова: не петербургская социология, а социология в Санкт-Петербурге. По-моему, правомерно. А кому принадлежал этот журнал?

Голод С. И. (д-р филос. наук, директор С.-Петербургского филиала Института социологии РАН): Лично Баранову?

Козловский В. В.: Сергей Исаевич, возможна ли вообще такая постановка вопроса? Петербургская социология?

Голод С. И.: Думаю, что нет, лично я был против. Я не знаю, что такое петербургская социология. Социология есть вообще, в том числе, если говорить о российской, — российская, еще можно сказать — социология в России, даже лучше сказать. Поэтому журнала никакого не было, не надо говорить о журнале, это был 1-й номер сборника, журналом он не мог стать уже по самому названию, потому что сразу было сказано, что никакой такой особой социологии нет.

Козловский В. В.: Петербургской социологии нет?

Голод С. И.: С моей точки зрения.

Козловский В. В.: С точки зрения Сергея Исаевича. А у кого-то еще есть, может быть, какое-нибудь мнение?

Фетисов В. Я. (проф. Российского гуманитарного ин-та при СПбГУ): Есть школа. Социологическая петербургская школа.

Козловский В. В.: Да, вот эта вот постановка, наверное, интереснее.

Виноградов В. Д. (проф., зав. кафедрой теории социального развития человека и общества ф-та социологии СПбГУ): Московская школа, может быть, петербургская, чикагская.

Дука А. В. (канд. полит. наук, зам. директора С.-Петербургского филиала Института социологии РАН): А что такое школа? Территориальность или что-либо другое?

Гавра Д. П. (д-р социол. наук, проф. ф-та социологии СПбГУ): Может, мы не будем задавать такие жесткие рамки разговору, чисто позитивистские, а перейдем на язык других описаний, поскольку присутствующие здесь люди

представляют прежде всего самих себя и свою собственную историю. Во многом именно они, хотя, разумеется, не только они, определяли за эти десять лет содержание петербургской социологии. Их профессиональные и жизненные истории и составляют существо того процесса, о котором мы пытаемся сейчас говорить как о развитии и становлении ленинградской (петербургской) социологической школы.

Для того, чтобы ответить на вопрос, существует или нет петербургская социология как таковая, как некоторая специфическая, обособленная методологически, методически, парадигмально или как-либо иначе совокупность исследовательских практик и их субъектов, давайте поговорим о конкретных институтах, персоналиях и технологиях и о своем личном опыте как элементов этого персонального, институционального или технологического пространства. Не следует избегать интересных подробностей, которые следуют из нашей собственной жизни. Нужно просто рассказать о том, как это было. Сначала на дескриптивном уровне, от первого лица участников или очевидцев событий. А потом уже можно будет переходить к уровню рефлексии. Обсуждение этих событий именно в таком ключе, полагаю, будет интересным и для нас, и для читателей журнала.

Козловский В. В.: Ну что, вот в такой постановке, действительно, институционализация социологии в Санкт-Петербурге была, есть и в этом смысле, наверное, можно поговорить и сейчас. Кто хотел бы начать? Яков Ильич Гишинский.

Гишинский Я. И. (д-р юрид. наук, зав. сектором социологии девиантности С.-Петербургского филиала Института социологии РАН): Я нарушаю традицию, потому что о девиациях говорят в последнюю очередь. В сентябре 1994 г., на научной конференции, посвященной Ленинградской социологической школе, я говорил о судьбе социологии девиантности и социального контроля в годы, предшествовавшие перестройке. Это мое выступление, как и другие, было опубликовано в книге «Ленинградская социологическая школа», поэтому я теперь могу смело этот этап опустить.

Это была наука с грифом «секретно» в основном. А вот институционализация в рамках академической науки началась в 1989 г., как раз с возникновения Санкт-Петербургского, тогда еще Ленинградского филиала Института социологии РАН (Российской Академии наук). С первых дней возникновения Санкт-Петербургского филиала была сперва группа, потом сектор социологии девиантного поведения, сектор социологии девиантности. Сейчас мы выходим на внешний рынок под названием «Центр девиантологии», как подразделение Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Выход из полуподпольного, полуполигального положения, институционализация и легализация исследований преступности, самоубийств, алкоголизма, наркотизма, проституции и т. п. в рамках нашего сектора, нашего центра, как мне кажется, осуществлялись довольно успешно, насколько это вообще можно успешно реализовать. Назову несколько этапных дат и в чем материализовались наши достижения.

В 1993 г. вышло первое в России учебное пособие «Социология девиантного (отклоняющегося) поведения и социального контроля». Авторы: Гишинский, Афанасьев. В 1994 г. вышла первая в России книга «Военная девиантология».

Надо вообще сказать, что, по-моему, не только на территории бывшего Советского Союза, но и в мировой социологии девиантности военная девиантология образовалась только в рамках нашего подразделения. Она довольно успешно развивается — было защищено две диссертации. Успех нашей девиантологии, очевидно, выразился, в частности, в том, что пару недель тому назад я был в Вашингтоне, по приглашению соответствующих американских структур, где читал лекции, в том числе по военной девиантологии для офицеров вооруженных сил Соединенных Штатов. К сожалению, моими лекциями не удалось предотвратить бомбежку Югославии, но я надеюсь, что они и не ускорили этот процесс.

Через три недели выходит первый в России учебник по суицидологии, написанный мною с психологом Юнацкевичем. В 1999 г., я надеюсь, выйдет коллективная монография нашего центра «Девиантность и социальный контроль в России за два столетия (XIX–XX вв.)». Это будет достаточно обобщающая фундаментальная работа. У нас вышла целая серия работ, включая книжку по организованной преступности — это тематика, особенно интересующая наших зарубежных коллег, да и нас, естественно, тоже. И, как говорил товарищ граф Лев Толстой, если буду жив (ЕБЖ), к концу года надеюсь закончить большую монографию «Девиантология», которая одновременно может служить и учебным пособием.

Случилось так, что мы сегодня являемся единственным центром в России, который занимается проблемами социологии девиантности и социального контроля. Похожая группа была в головном институте под руководством профессора Б. Левина. Мы очень дружили. Но, во-первых, их исследования были ограничены только двумя формами девиации — это алкоголизм и наркотики и, во-вторых, сейчас, после того как Борис Михайлович по возрасту оставил эту работу, там не очень проявляется какая-то деятельность. Поэтому мы оказались единственным центром в России. Это имеет свои плюсы — мы вне конкуренции, но это имеет свои минусы — нам не с кем спорить, не с кем оттачивать свои позиции, концепции, взгляды и так далее.

Должен заметить, что в современном мире роль девиантологии должна возрастать в связи с распространением девиантности. Известно, что Н. Луман в интервью с проф. В. В. Козловским и Н. А. Головиным назвал сегодняшнюю реальность девиантной, почему и следует интересоваться девиантностью, а не рациональностью. И. Уолерстайн заметил, что аномалии стали не исключением, а моделями, которые следует анализировать. Наконец, чрезвычайно серьезен и пессимистичен прогноз Лумана о переходе общества от иерархических отношений к отношениям функциональной дифференциации с метакодом включения/исключения. Это означает, что все большее число людей окажутся исключенными из нормальной жизни, они останутся существами, «которые пытаются дожить до завтра». Это создаст мощную социальную базу для дальнейшей эскалации негативных девиаций. Боюсь, что кое-где этот процесс пошел...

И последнее, мы проводим большое количество эмпирических исследований, большинство из них идет в рамках международных проектов. Это проекты: Baltic study, только сегодня я получил четвертую книгу этого выпуска с нашей статьей, впереди еще пятая книга (выходит на английском языке). Мы участвовали в проекте Метрополис, по результатам вышло две монографии в

Германии на английском языке. Мы участвовали в проекте «Организованная преступность», вышла серия статей, моих и Костюковского, в Англии, Японии, Америке, Финляндии и так далее. И мы сейчас проводим исследование (к маю получим первые результаты) «Полиция и население» совместно с Institute of Justice, Нью-Йорк; это совместное исследование по аналогичным программам и методикам с Нью-Йорком и Чикаго. Вот то, что было. Перспективы. На самое ближайшее время перспективы более-менее оптимистические: у нас слаженный, хорошо работающий центр, молодые, способные, талантливые ребята, которыми я очень доволен, но на перспективу более отдаленную, стратегическую — мы варимся в собственном соку, без денег, как вся академическая наука, у нас дальнейшее пополнение молодыми кадрами затруднено и стратегическую перспективу я не вижу, мои взгляды на это достаточно пессимистичны, как и на многое другое в этом мире и в этой стране. Благодарю за внимание.

Козловский В. В.: Спасибо. Почерк девиантологии в Петербурге представлен довольно кратко, но красиво. Кто бы хотел еще сказать? Действительно, получается маленькая картиночка того, что сделано, и того, что предполагается сделать.

Виноградов В. Д.: Может быть, следует поставить временные рамки? Вы не поставили четкие временные рамки.

Козловский В. В.: Период, который мы обсуждаем, это десять лет, в течение которых существовали и живут дальше факультет социологии СПбГУ и Институт социологии в Петербурге, десять лет с 1989 г. Были и другие институты: ИСЭП РАН, НИИКСИ при СПбГУ. В настоящее время в городе есть немало самостоятельных частных социологических центров. Поэтому мы вправе вести речь о предпосылках, ходе развития и достигнутых результатах не только названных двух институций. Например, со вчерашнего дня НИИКСИ вошел в состав факультета социологии. Это уже совершенно новый этап. До сего времени их развитие шло параллельно. Так что границы — это десятилетний период и структурно все, что охватывает развитие социальных наук в Ленинграде-С.-Петербурге за эти десять лет существования факультета и Института.

Поговорим о факультете. Вот, Валерий Дмитриевич, вы один из аксакалов. Все-таки я не с самого начала работаю на факультете и Дмитрий Петрович тоже не с самого начала, а Валерий Дмитриевич, как аксакал и Борис Иванович Тихомиров здесь с 1985 г., поэтому, думаю, что Борис Иванович мог бы свои впечатления сейчас изложить.

Тихомиров Б. И. (д-р экон. наук, проф. ф-та социологии СПбГУ): Раз зашла речь о петербургской, ленинградской школе социологии, то я хочу сказать, что до 1989 г. существовала практически одна школа — марксистско-ленинская. А если говорить об особенностях Санкт-Петербурга, Ленинграда, то это крупный город, промышленный комплекс, и, я думаю, были определенные приоритеты исследований, которые могут называться производственными или социально-экономическими. В этом, возможно, была особенность Санкт-Петербурга как исследовательского центра.

Если говорить о становлении нашего факультета в историческом плане, то сначала организовались две кафедры на экономическом факультете: кафедра прикладной социологии и кафедра социального управления. На основе этих

двух кафедр был сделан первый выпуск после, наверное, большого перерыва, если сравнивать с Петербургским университетом до революции, выпуск социологов-экономистов. Я думаю, что эта специальность наложила отпечаток на характер преподавания и исследований, которые проводились преподавателями по этим направлениям. Первоначально эта специальность была базовой при формировании факультета социологии. Сейчас особенность факультета социологии состоит в том, что такая известная однобокость преодолена. Можно сказать, что существуют различные точки зрения, которые можно свободно высказывать, следовательно, имеются представители разных школ, если иметь это в виду. На этом этапе идет в основном заимствование из тех школ, которые мы впервые начинаем сейчас узнавать, осваивать. Раньше эти направления были в основном объектом критики. Сейчас они получили право на жизнь. Я думаю, что одна из особенностей сегодняшней ситуации на факультете — это научный плюрализм. Есть что сравнивать, есть различные точки зрения, есть сторонники и противники. В настоящее время в стране мы имеем такой уникальный социальный «полигон» рыночных преобразований, какого ни один зарубежный социолог в экономически развитых странах не имеет.

В отечественной социологии существует определенный вакуум в той части, которая касается теоретической социологии. Это, наверное, естественная реакция на то, что сейчас нужно не только предлагать различные концепции, но и обосновывать практическую возможность.

Есть, мне кажется, в социологии некоторый уход от насущных социальных проблем, потому что первые контакты с руководящими структурами в рыночных условиях привели к тому, что были допущены ошибки в угадывании тенденций развития обществ, роковые ошибки в политических исследованиях. А сейчас уход заключается, мне кажется, в том, что проводятся отчужденные от текущих потребностей исследования. Не случайно, что они финансируются главным образом за счет грантов, которые нам поступают из-за рубежа. В этом есть определенная польза для наведения мостов, для оценки нашей ситуации со стороны зарубежных политологов и социологов. Если говорить о практических, эмпирических исследованиях, то на них нет заказчика, поэтому остается совершенствовать методику, технику и так далее, а если говорить о теоретическом исследовании, то нет обсуждения на теоретическом уровне, что сейчас, какие есть цели, есть ли социальные цели, какие из них приоритетны, каково соотношение социальных и экономических целей. И последнее. Мне кажется, что сейчас, к сожалению, социологи находятся в растерянности по всем направлениям деятельности, поскольку основной «социальной» проблемой российского населения является элементарная выживаемость.

Я хотел задать вопрос господину Гилинскому, уточнить. Наверное, Ваши исследования и другие отраслевые исследования наталкиваются на простой ответ — нет денег. Вы предлагаете какие-то практические рекомендации, хотите их предоставить в соответствующие органы. Ответ: либо нет на это денег, либо отвечают: да, мы все проблемы знаем, мы тоже работаем с людьми.

Гилинский Я. И.: Не всегда, иногда говорят: очень интересно, будет сделано (и — ничего).

Могилевский Р. С. (канд. филос. наук, генеральный директор фирмы Гэл-лап-С.-Петербург): Если предположить, что существует ленинградская социо-

логическая школа, то вполне резонно говорить о возможности существования «школ внутри школы». Здесь упоминался НИИКСИ. Дальше упоминания названия и ссылок на междисциплинарный характер исследований в нашем обсуждении дело не пошло. На самом деле вполне оправданно говорить если не о школе, то об определенном направлении развития социологических исследований в Петербурге, развивавшемся коллективом Института, и о его уникальном Опыте. Конечно, право на всестороннюю и полную оценку всего сделанного за 33-летнюю историю НИИКСИ, прежде всего, имеют те, кто определял научные перспективы института весь этот период — его главные администраторы и научные лидеры. Но... иных уж нет, а те далече. Моя точка зрения, человека проработавшего в НИИКСИ 22 года, скорее всего, односторонняя, состоит в следующем.

Я не думаю, что Институт достиг сколько-нибудь серьезных успехов в теоретическом развитии идеи комплексности. Эта доморощенная идея не имела шансов. На научный успех, в теории социологии и науковедении она почти не разрабатывалась. Были другие, более корректные инструменты для описания соответствующих проблем.

Я думаю, что подлинный успех пришел к институту на других направлениях.

Если брать научные аспекты, то, во-первых, институт нашел модели корректной интеграции эмпирического и теоретического знания в рамках конкретных областей: психологии, юриспруденции, экономики, социологии, нашел адекватные схемы интеграции различных монодисциплинарных исследований для решения общих задач, например, для описания и объяснения процессов социального развития территориальных общностей или производственных коллективов. Проводилось огромное множество эмпирических исследований, позволивших накопить для науки уникальный эмпирический материал. О возможности использования его для развития самых современных научных концептов свидетельствует недавно защищенная и получившая высокую оценку специалистов диссертация И. Н. Гурвича, предложившего не имеющий аналога в науке концепт социального здоровья человека.

Во-вторых, Институт активно совершенствовал процедуры исследований, их методологии и технику. Именно исследователями института, одними из первых в Петербурге, был запущен механизм опросов общественного мнения и они первые использовали новые в тот период технологии, например, телефонные опросы.

В-третьих, именно в НИИКСИ был запущен целый ряд исследовательских проектов, которым впоследствии было суждено стать самостоятельными направлениями социологии или других социальных наук. Российская девиантология, о которой здесь говорил ее признанный лидер Я. И. Гилинский, формировалась им и его коллегами именно здесь. Здесь П. Н. Лебедевым развивалось уникальное направление в социологии управления. Здесь Л. И. Спиридоновым и Ю. А. Суловым осуществлялась теоретическая реабилитация и развитие социологии права.

Этот список можно продолжить. Все эти уникальные достижения нашли отражение в целой серии статейных публикаций и монографических исследований.

Если говорить об организационных моментах, то необходимо отметить последовательное и, как бы сейчас сказали, продвинутое разделение труда между развитием теоретических исследований, осуществляемых в рамках бюджетного финансирования, и прикладных эмпирических исследований, осуществляемых в рамках хозрасчетной деятельности, постоянная «подпитка» одного другим на базе общеинститутских «метапроектов». Обращаю Ваше внимание на то, что организация исследований в НИИКСИ в этом отношении явилась микромоделью современного типа разделения «социологического» труда между исследовательскими практиками коммерческих исследовательских центров и практиками «больших» научных учреждений.

Вообще, мне кажется, что развитие современных методов количественных исследований, разработки и использования социальных технологий, политического и товарного маркетинга исследователями Петербурга находится под влиянием многих прежних достижений НИИКСИ. Не случайно, среди полстеров, политических и социальных технологов, маркетологов и исследователей рынка так много людей в прошлом прошедших школу НИИКСИ или связанных с ним сегодня. (К сожалению, сам институт не извлек никакой пользы из своих прошлых достижений. Так мне кажется.)

Если все то, что я сказал, справедливо, то кажется естественным вопрос: а почему об этом так мало известно? Мне кажется, что причины были заключены в конформизме большинства главных администраторов, работавших в Институте в разные периоды, опасавшихся сблизиться с лидерами Ленинградской социологии, большая часть которых имела «подмоченную», с точки зрения этих администраторов, идейную репутацию. Сюда же надо отнести также отсутствие после смерти Б. Г. Ананьева научного лидера мирового класса, способного к широким обобщениям накопленного коллективом «научного багажа» и должной презентации этих обобщений перед научным сообществом и некоторые другие причины.

Конечно, многое из того, что сделал Институт в прошлые годы, устарело, во многом изменилась парадигматика науки, даже то, что составляло органическую часть социологического знания прежде, например, прикладные исследования, нынче трактуется как самостоятельная научная дисциплина. Тем не менее, многие достижения НИИКСИ тех лет не устарели и еще работают на науку.

Козловский В. В.: Хорошо, может быть, кто-то хотел добавить еще или возразить. Могут быть сделаны интересные выводы по поводу сегодняшней ситуации в социологии. Очень важен также вопрос теории. Раньше, как Борис Иванович сказал, существовала марксистская школа, а сейчас так называемый научный плюрализм (что их отличает — непонятно), но все эти доктрины, эти теории работают вместе эффективно, или же какие-то из них предпочтительнее в исследованиях, скажем, эмпирических, полевых, может быть, в самих теоретических? Пожалуйста, Владимир Владимирович Костюшев.

Костюшев В. В. (зав. сектором социологии общественных движений Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, президент Санкт-Петербургской Ассоциации социологов): К вопросу о научных школах. Хочу представить коллегам книгу, которую мы недавно издали в Санкт-Петербургской Ассоциации социологов. Она называется «Ленинградская социологическая школа

(1960–1980-е гг.)» и включает материалы большой дискуссии по поводу школ в отечественной социологии, в том числе — о судьбе Ленинградской социологической школы, ассоциирующейся с 1970-х гг. с именем Владимира Александровича Ядова и его коллег. В дискуссии участвовали И. С. Кон, Р. В. Рывкина, М. Лауристин, В. Н. Шубкин, Б. М. Фирсов, М. Маколи и многие другие известные исследователи. Общее мнение сводится к тому, что научные школы в советской социологии были очень редки. Уверенно можно говорить о новосибирской школе, лидерами которой были Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина, о свердловской школе Л. Н. Когана и, конечно, о Ленинградской школе В. А. Ядова.

Была ли марксистская социологическая школа в Ленинграде? Настоящей марксистской школы, по моему мнению, не сложилось. Тот теоретический марксистский дискурс, активно воспроизводимый в 1970-е – начале 1980-х гг., не имел эмпирических референтов и поэтому профессиональной социологией может считаться довольно условно — только в части некоторых теоретических конструктов, связанных прежде всего с анализом социальной структуры.

Более того, многие профессиональные исследовательские практики того времени — очень индивидуализированные — можно рассматривать в качестве реализации сложившихся в мировой социологии научных школ и направлений — от структурного функционализма до этнометодологии. Марксистский дискурс часто прикрывал действительные научные ориентации исследователей.

Еще о школе Ядова. В настоящее время результаты исследований этого направления переосмысливаются. Например, один из лидеров этой школы Владимир Самуилович Магун, один из теоретиков и авторов программы исследований ценностных ориентаций, реинтерпретирует эти результаты и, в частности, обращает внимание на удивительное совпадение выводов исследования «Человек и его работа», проекта «Ценностные ориентации» и проекта по проблеме саморегуляции личности с теми идеологическими постулатами, которые существовали в советское время: содержание труда на первом месте, инструментальные характеристики труда на втором месте и т. п. Магун, перерабатывая весь массив статистической информации результатов опроса, приходит к выводу, что невольно происходило соединение идеологических постулатов и научных обобщений. Главный мой тезис: содержательные выводы оказываются зависимы от социального, культурного, политического контекста, в котором проходит исследование. Но само исследование, выполненное на основе исключительно скрупулезно разработанных методик, очень качественно проведенное исследование, остается бесценным материалом, фотографией 1970-х гг. В этом ценность социологии — с данными таких исследований можно работать дальше, их интерпретировать повторно и т. д. Другого, более надежного материала в настоящее время о 1970-х гг., связанного с отношением к труду, мы не имеем.

Козловский В. В.: Владимир Владимирович прояснил нам предысторию. Все-таки вернемся к теме нашего разговора. Речь идет о периоде развития социологии в последние десять лет, то есть со дня создания Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН и факультета социологии СПбГУ.

Голод С. И.: С моей точки зрения, понятие Ленинградской социологической школы неверно. На самом деле в 1960-х гг. существовало три направления,

которые вместе взятые можно обозначить как социологические исследования, проводимые в Ленинграде. Два из них связаны с философским факультетом ЛГУ и одно — с кафедрой философии Академии наук. На философском факультете в начале 1960 г. была создана лаборатория социологических исследований, которая состояла из шести человек. Вот они: Э. Беляев, В. Водзинская, А. Здравомыслов, Б. Орнатский, А. Шаев и В. Ядов. Эти люди, ни один из них, кстати, не имел представления о социологии, и решили провести эмпирическое исследование досуга рабочих Кировского завода, которое было опубликовано через полгода в «Вестнике ЛГУ». Опробовав свои силы, коллектив лаборатории решил заняться трудом, а именно соотношением в труде терминальных и инструментальных ценностей. Одновременно познакомились с теорией, в основном, американской. Далее было проведено большое эмпирическое исследование. На базе этого исследования в середине 1960-х гг. и была опубликована известная книга под редакцией А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина и В. А. Ядова — «Человек и его работа». Параллельно на философском факультете стал заниматься социологией профессор И. С. Кон, который в начале 1960-х гг. написал книгу о позитивизме, по-моему, «История позитивизма». Книгу, которая вызвала большой интерес, в том числе в Европе. Она была переведена на 3–4 европейских языка. Несколько позже, в середине 1960-х гг. Кон опубликовал работу, которая стала настольной книгой почти всех социологов на протяжении десятилетий — это «Социология личности». Здесь он описал одну из форм, или одно из направлений социологии личности — ролевую теорию личности. В это же время Кон написал небольшую статью, вызвавшую сильный отзыв, особенно среди интеллигенции, в самом популярном журнале того времени «Новом мире», которая называлась «Об этнических предрассудках». В ней он впервые поднял эту тему. Это очень важное теоретическое направление, где Кон ознакомил социологов и тех, кто считал себя социологами, с теорией и историей социологии зарубежных стран. Под его влиянием сформировалась целая плеяда историков социологии (И. А. Голосенко, Р. П. Шпакова). Наконец, третье направление, которое развивалось в те же годы, связано с именем А. Харчева, заведующего кафедрой философии Академии наук. Он опубликовал в 1964 г. книгу «Семья и брак в СССР: социологический опыт». Это была первая теоретическая книга, посвященная семье, ибо все, что писалось до этого времени на протяжении 40 лет напоминало публицистику. Харчев же попытался применить к эволюции института семьи структурно-функциональный анализ. Сейчас можно эту книгу критиковать как угодно, но для того времени это была одна из лучших работ по социологии, связанных с приватной жизнью человека.

Три указанных направления подняли социологию на такой уровень в Ленинграде, что стали говорить о том, что это один из главных центров социологии в Советском Союзе. Именно это было основанием для проведения первой социологической конференции, организатором которой как раз и явились Кон, Ядов и Харчев. Эта конференция была первой и последней в жизни России. Сюда съехались люди со всей страны, в основном с кафедр социологии. Из Владивостока, Хабаровска, особенно представительной была делегация из Новосибирска и Свердловска, а также из Москвы.

Надо сказать, что впоследствии все эти три направления не столь активно развивались, может быть, помимо теоретического и истории социологии, кото-

рое возглавлял Кон. Остальные потихоньку затухали. Все исследователи один за другим оказались в Москве. Сначала уехал Кон, затем Харчев, потом Ядов. Можно говорить лишь о том, что с новой волной либерализации в 1990-е гг. связано восстановление ленинградского направления развития в социологии.

Знаменательно, что в один и тот же год в Ленинградском университете возникает факультет социологии (остатки того центра, который был при философском факультете ЛГУ и филиал Института социологии Академии наук. Это как бы логическое завершение того, что было в 1960-е годы в Ленинграде), и явилось основанием для возникновения этой социологии в 1980-е годы в нашем городе.

Козловский В. В.: Предпосылки? Да, действительно, их нужно обговорить, безусловно. Но все же нас интересует ближайшая ретроспектива, а именно, что произошло за эти десять лет. Необходимо дать рефлексию того, что сделано в эти, буквально, прошедшие годы. Они, как сказал Борис Иванович (теперь можно ссылаться), характеризуют биологический уровень развития, вот на этом уровне развития находилась и развивалась социология. Так ли это на самом деле?

Наш факультет, например, увеличился практически в два раза минимум: в штатном расписании своем, увеличил свою площадь. В связи с решением о создании Учебно-научного комплекса он вообще стал теперь втрое больше или вчетверо больше, чем в начале своего формирования в 1989 г., когда преподавателей было человек тридцать. Полагаю, декан факультета А. О. Бороноев расскажет об этом решении подробнее. Но речь идет о том, что НИИКСИ, бывший самостоятельным институтом комплексных исследований, теперь влился в структуру нашего факультета и все это будет называться — Учебно-научный комплекс. Так что теперь начинается новый этап. Десятилетие факультет встречает организационно мощной структурой, которая имеет и большой образовательный и научный потенциал, который ранее институционально был отделен от факультета.

Научные исследования, так или иначе, велись на факультете. Есть центр социологических исследований, в частности, есть преподаватели, которые ведут свои исследования, их, может быть, не так много, скажем, как в Институте социологии или в других центрах и лабораториях Петербурга. Поэтому о факультете мы еще сегодня поговорим. В первую очередь следует обсудить, что в эти десять лет уложилось. Пожалуйста, история в живых лицах уже частично представлена. Видимо, об этой истории желает рассказать Дмитрий Петрович Гавра.

Гавра Д. П.: Я тоже специально не готовился к сегодняшней дискуссии и поэтому мое выступление будет несколько «рваное». Я бы хотел сказать о трех сюжетах.

Поскольку мы говорим о десяти последних годах петербургской социологии, во-первых, расскажу о своих практиках десятилетней или около того давности. Итак, в конце 80-х гг., движимый авантюризмом и любопытством, пожалуй, более, чем рациональными соображениями, я оказался в роли инструктора Ленинградского городского комитета Коммунистической партии Советского Союза, как человек, который должен был курировать такое направление деятельности, как социологические исследования. Это был очень интересный этап

в моей жизни, хотя длился он недолго, менее двух лет. Уже в начале 1990 г. я запросился обратно на научную работу и вернулся в Ленинградский научный центр изучения общественного мнения ИСЭП АН СССР.

В то время, если пользоваться терминами из военного лексикона, социология двигалась как бы тремя колоннами.

Одна колонна имела характер академический и в субъектном плане состояла из социологов, институционально функционировавших в рамках учреждений Академии наук, прежде всего ИСЭП и ЛОИИЕТ. Термин «колонна» в данном случае, разумеется, условный, поскольку в число академических социологов входили такие разные люди, как Б. М. Фирсов, Б. Д. Парыгин, С. И. Голод, В. Б. Голофаст, О. И. Иванов, Г. И. Саганенко, И. И. Травин, более молодые В. М. Воронков, Е. Г. Слуцкий, В. В. Костюшев, Н. Л. Русинова, В. Г. Карпов, ваш покорный слуга и многие другие. Тем не менее нельзя не сказать о том, что уже к тому времени вполне устойчиво функционировал термин «ленинградская социологическая школа» и ассоциировалась эта школа в сознании профессионального сообщества с именем Владимира Александровича Ядова и его учеников. Ядов к тому времени уже директорствовал в Москве в ИСАН и не без его помощи в Ленинграде был создан филиал Института социологии на базе социологических кадров и подразделений разделившегося ИСЭП.

В качестве второй колонны обозначу вузовских социологов, точнее сказать, тех обществоведов, которые работали на кафедрах философии и научного коммунизма и профессионально занимались теми или иными проблемами, относящимися к проблемному полю социологической науки. В рамках социологической ассоциации была и специальная секция вузовских социологов. Эта вторая колонна была еще более раздробленной как методологически, так и организационно. С одной стороны, в стенах нашего университета работал НИИКСИ, который всегда считался принадлежащим к социологическому «братству» и являлся островком эмпирической социологии. Об этом подробнее расскажут, надеюсь, присутствующие здесь коллеги. Для меня НИИКСИ связан с именами В. Т. Лисовского, Е. Э. Смирновой, В. Е. Семенова, А. О. Бороноева, Ю. Н. Емельянова, А. А. Русалиновой, с которыми пришлось много и плодотворно сотрудничать. С другой стороны, в недрах экономического факультета формировалось отделение прикладной социологии, та школа, которую сегодня связывают с именем В. Я. Ельмеева. В ряде вузов формирование и функционирование социологических школ было связано с яркими именами их лидеров. Назову покойного И. И. Леймана, который к тому времени был вынужден уйти из ИСЭП, С. А. Кугеля, присутствующего здесь И. А. Голосенко. До сих пор не могу забыть неловкости, когда мне, молодому инструктору горкома, пришлось проводить аттестацию (а если кто забыл, напомним, был такой институт партийного руководства кафедрами общественных наук) кафедры, которой в ЛИВТ заведовал Игорь Анатольевич.

Была и еще одна колонна социологов. О ней, увы, приходится говорить «была». Почему разговор идет в прошедшем времени? Потому что имеется в виду колонна так называемых заводских социологов, тех из наших коллег по цеху, которые работали тогда на промышленных предприятиях, находились в штате служб или отделов социального развития, кадровых служб и т. д.. В 70–80-е годы была специальная и достаточно многочисленная секция заводских социологов, зани-

мавшаяся экономической социологией, социологией труда, социологией персонала. Это были активные смелые люди, востребованные мятежной атмосферой ранней перестройки и видевшие свою задачу в том числе и в демократизации производственной жизни. Это не могло не порождать конфликтов как с администрацией, так и с парткоммами предприятий, не желавшими выносить негативную информацию «из избы». Не раз и не два мне приходилось выступать арбитром в конфликтах такого рода, убеждать администраторов и партработников в том, что социолог не враг, что он необходим на производстве. В моем архиве хранятся материалы одного из опросов заводских социологов 1988–1989 гг. Это очень интересный материал. Но, увы, приходится сказать, что этой колонны, по крайней мере в этом качестве, более не существует. Заводская социология практически умерла.

Итак, 10 лет назад у нас было определенное цеховое разделение. Это разделение, хотя и в несколько другом виде, воспроизводится и теперь. Есть академическая социология как продукт коллективной профессиональной исследовательской деятельности и есть вузовская социология. Если смотреть шире, у нас все так же, как и в любой науке: есть социология как профессиональная деятельность, рискну употребить здесь слово «наука», и социология как учебная дисциплина или как дисциплина, по которой защищают диссертации вузовские преподаватели.

Это первое, о чем хотелось сказать. Если будут время и возможности, скажу более подробно о том, что и как делалось партийными органами по руководству и организации социологии в период поздней перестройки. Это любопытная достаточно штука. Хотя не могу сказать, что лично получал от этого удовольствие. В то же время, уж похваюсь, к числу своих персональных достижений отношу то, что мне удалось собрать две группы партийных работников, самых маленьких инструкторов из райкомов партии, и на целый год привести их на спецфакультет социологии ЛГУ. Удалось вырвать их из контекста текущей партийной работы и дать возможность получить второе высшее образование по социологии. Это оказался большой выпуск, порядка сорока человек, за которых заплатили партийные деньги. В итоге многие из этих людей работают в социологии и смежных областях, среди них есть кандидаты наук, выпустившие монографии, имиджмейкеры, политические консультанты.

Вторая часть моего выступления связана с профессиональными практиками совсем другого рода. Эта часть моего персонального опыта заключается в том, что в 1992 г. я стал учредителем, а потом первым президентом независимой исследовательской структуры, которая называлась «Национальный институт внутриполитических исследований». Этот институт был в чистом виде индивидуальным эмпирическим проектом, созданным группой единомышленников и до тех пор, пока существовали гранты и иностранные деньги, мы с 1992 по 1996 г. приобрели опыт функционирования в рамках рынка социологических исследований, опросов общественного мнения и т. п. Таким образом образовывалась новая, четвертая колонна социологов, функционирующих вне рамок социальных институтов, традиционно академических и вузовских. Это колонна не социологии, как исследовательской или преподавательской деятельности, а социологии как бизнеса. Она представляет сегодня самостоя-

тельную группу институций, которая во многом «съела» тот кусок рынка, который ранее делился между вузовскими и академическими социологами.

Вот о каких четырех колоннах, которыми двигалась петербургская социология в прошедшее десятилетие российских трансформаций, можно, с моей точки зрения, вести речь.

Тут кто-то вслух сказал о «пятой колонне». Этот термин имеет особое происхождение из времен гражданской войны в Испании и обусловленный этим особый аромат. Поэтому его употребляют обычно в кавычках. Пятая колонна, как об этом говорит история, как правило, формируется и мобилизуется из участников всех колонн для выполнения особых функций. Есть ли в нашей социологии «пятая колонна»? Вопрос, на который так сразу, навскидку не ответишь. Но, думаю, о ней можно говорить. Это те, кто работает в нашей сфере профессиональной деятельности, нарушая этические принципы, подтасовывая данные или наводя «макияж» на объяснительные модели в целях обслуживания интересов власть имущих, политических структур, явного или неявного криминалитета.

И, наконец, последнее, о чем хотел сказать в рамках регламента. Это о той сфере, которой я непосредственно занимаюсь все это время. Это сфера массовых опросов. Что касается массовых опросов, опросов общественного мнения, то я говорил и говорю, что это специфическая область, которая лежит в предметном пространстве социологии и социальной психологии, между социологией как таковой и социологией политики, и в этой сфере есть свои законы жанра (об этом я делал подробный доклад в Центре «Стратегия» и в Ассоциации социологов). Но сама материя, с которой имеет дело исследователь процессов, происходящих в массовом сознании, это материя социологическая.

Козловский В. В.: У вас было несколько сюжетов. Два из них вы проговорили. Интересно утверждение о колоннах в социологии, которые образовались и идут дружно или падают замертво, как, например, заводские социологи. В дискуссию включается Вячеслав Николаевич Келасьев.

Келасьев В. Н. (проф. ф-та социологии СПбГУ, зав. отделением социальной работы): Практически с 1991 – начала 1992 г. начинает разворачиваться новая сфера занятости социолога, пограничная между педагогикой, социологией, психологией, медициной, правом – социальная работа. Это межпредметная область, в которой социология занимает ведущее место. Ближе всего к этой сфере деятельности стоят те, кто занимался вопросами социальной диагностики, социальной защиты населения, социальной политики, проблемами бедности, социальных патологий и т. д.

Сфера потребления услуг социологов и рынок здесь достаточно оформились, здесь существует даже достаточно большая конкуренция. Есть уже много вузов, которые готовят специалистов по этой специальности. Методы работы здесь тоже разнообразны, начиная от методов социальной диагностики (прежде всего социальная диагностика различных форм социальных патологий, связанных с правонарушениями, наркоманией, другими формами девиантного поведения) и заканчивая социальными технологиями, которые ориентированы на изменение ситуации. Именно на прикладных проблемах выяснялось, какие претензии самой социологии были более обоснованы, какие менее.

Дело в том, что в самой социологии были очень слабо представлены те разделы, которые мы называем активной социологией, которые ориентированы на преобразование, изменение имеющейся стратегии. Но именно сфера социальной защиты востребовала сейчас наработки в сфере активной социологии. Представители различных практических служб социальной защиты просят сейчас у факультета социологии специалистов в области социальной защиты, способных к такой преобразовательной активности. Нужны они и учебным заведениям, предприятиям, социально-реабилитационным службам, центрам социального обслуживания населения. И уже сложились достаточно масштабные проекты, которые реально осуществляются в социальной сфере. Налицо, поэтому, значительное число реальных структур, которые заинтересованы в развитии этих направлений в социологии. Считаю, что удельный вес этих сфер приложения сил социологов будет возрастать.

Козловский В. В.: Существует проблема, куда отнести социальную работу, входит ли она в сферу социологии или это совершенно особая сфера деятельности и образования. Поэтому можно отнести к числу достижений то, что такие работники готовятся на нашем факультете. Но это другой вопрос. Возвратимся к социологии. Все-таки каковы ее болевые точки, во что она воплотилась? На что ориентирована в настоящее время? Представляю Александра Владимировича Дуку.

Дука А. В.: В связи с этим я остановлюсь, прежде всего, на опросах общественного мнения и маркетинговых исследованиях, которые часто называются социологическими исследованиями. Происходит это на основании одного из мифов, устойчиво существующих и у профессионалов, и, тем более, у публики, и у власти — то, что техника сбора информации является в значительной степени конституирующей по отношению к той или иной дисциплине. Отсюда возникает проблема самоидентификации внутри профессионального сообщества (эта проблема есть и в нашем институте) и идентификации социологии и социологов в обществе. Люди, не занимающиеся социологией, называются и сами называют себя социологами. Но некоторые из них, правда, находят в себе смелость и профессиональную гордость и говорят, что нет, мы маркетологи, полстеры и т. д. Опасность такого смешения профессиональной определенности состоит в том, что может возникать иллюзия, что социология весьма пристойно существует у нас и даже развивается; хотя на самом деле она, во-первых, замещается иной профессиональной активностью, а во-вторых, низводится до обслуживания тех или иных конъюнктурных задач и перестает быть наукой.

Второй миф состоит в том, что якобы объект нашей активности создает, конституирует саму дисциплину. Поскольку объектом является общество, то любое изучение общества, а также и активность в отношении общества или его различных подсистем на основании знаний об обществе, может вроде бы претендовать на статус социологической дисциплины (простой перевод на русский язык слова «социология»). Так, мне представляется, обстоит дело с тем, о чем говорил Вячеслав Николаевич — с вопросами социальной работы, социальной защиты, социальной политики. Эти вопросы могут быть предметом социологического анализа, но сама социальная работа, мне думается, не является сферой социологической деятельности. Мне кажется, что это первая проблема

социологии как таковой у нас в России. Социология еще в недостаточной мере отрефлектировалась и не отделила себя отчетливо и ясно (в том числе и институционально) от парасоциологических и несоциологических видов деятельности.

Вторая проблема — незаконченная внутренняя дифференциация социологии, связанная с существованием некоторых предметных областей науки, которые то ли по некоторой привычке, то ли по некоторым конъюнктурным основаниям не рассматриваются как специфические предметные области.

Третью проблему можно было бы назвать болезнью роста, связанной с историей отечественной социологии.

Козловский В. В.: Не отработано поле социологии, поэтому на нем бродят разные люди, называющие себя социологами.

Дука А. В.: Это ощущение, я высказываю в данном случае ощущение. К чему нас и призывал ведущий.

Келасьев В. Н.: Нельзя ли ощущение более рационально все-таки определить, выразить в виде речевой формулировки.

Козловский В. В.: Это и есть рационализация, то, что проговаривается.

Келасьев В. Н.: А что, с вашей точки зрения, является предметом и объектом социологии?

Козловский В. В.: Возможна ли социология как строгая наука, так ставится вопрос?

Дука А. В.: Ведь проблема в том, что когда я говорил, что опросы общественного мнения или маркетинговые исследования не являются социологией, я имел в виду, что эти сферы деятельности не претендуют на то, чтобы выяснять некоторые институциональные особенности существования современного общества, где под институцией или институтами понимаются устоявшиеся, «привычные», рутинные способы реакции тех или иных социальных групп на воздействие извне.

Собственно говоря, мне представляется, что основной предмет социологии в этом и заключается, плюс к этому — саморефлексия социологии: это методология и история социологии. В отношении опросов общественного мнения и маркетинговых исследований я бы поставил перед собой следующий вопрос: что за знание производится в результате этих исследований? Тогда станет понятен и род деятельности маркетологов и полстеров.

Но в реальности, конечно, не все оказывается так просто. В изменяющемся обществе большинство структур, институтов и институций не устоялись, и эта «рассыпчатая» реальность создает «рассыпчатость» социологии, ее теоретических подходов.

Козловский В. В.: Глобальные проблемы уже были обозначены Александром Владимировичем, но это общая проблема не только социологии в Петербурге. Непонятно, на каком основании возникают различные новые направления, и если они убегают от социологии или возникают в ее рамках, тогда может быть, это все-таки социология рекламы, маркетинга, предпринимательства и т. д.

Вот, собственно, мой вопрос заключается в следующем. Факультет социологии, он готовит кого? Социологов или, в частности, людей, которые занимаются маркетингом. Маркетологи, допустим, или в рекламу уйдут, или, например, в имиджмейкеры и т. д. А люди тут занимаются, зарабатывают этим хлеб

и половина, если не больше, людей именно в эту сферу уйдет. Я уже не говорю там про банки...

Вот два-три года назад это было — подавляющее число наших выпускников туда именно шло. Вот это тоже любопытный факт, то есть в социологии оставалась какая-то минимальная группа людей, в аспирантуре мы их тоже не видим. Они не учатся социологии, они тоже зарабатывают деньги в той сфере, где они могут. Вот так получается, что их факультет готовит, тоже, ну и другие вузы, может быть.

Голод С. И.: Ну это же не проблема социологии.

Козловский В. В.: Это проблема подготовки социологов.

Голод С. И.: Вот это другое дело. Значит, вы их не готовите социологами, во-первых, а во-вторых, так вы их готовите. Сейчас у нее рынок и их надо готовить не социологами, а теми, кто требуется. Назвать можно как угодно, назовите — комбинат. Другое дело, есть в них потребность или нет в них потребности. Значит, нет потребности, значит нужно закрыть социологический факультет.

Козловский В. В.: Нет, все-таки часть идет в социологию.

Голод С. И.: Значит, сузьте. Не надо расширять, как вы делаете сейчас: еще шире, еще больше. Зачем? Если вам не нужно, значит и обществу это не нужно.

Козловский В. В.: Нет. Может быть, расширяется поле деятельности, скажем, социальные работники появляются, или экономисты-социологи. Факультет готовит таких специалистов.

Голод С. И.: Они готовят социальных работников.

Келасьев В. Н.: Я вам задаю вопрос, почему у нас до сих пор идут споры о социологии? Почему это понятие не имеет общепринятого смысла, несмотря на наличие большого числа академических институтов, и институтов в структуре университета...

Голод С. И.: У нас один институт — Академия наук...

Келасьев В. Н.: Почему? У нас много институтов... НИИКСИ, например? Я с вами не согласен. В НИИКСИ развивалась междисциплинарность и комплексность исследований.

Голод С. И.: Но междисциплинарная — это слово «между дисциплинами», значит есть дисциплина социология, есть психология, есть дисциплина еще какая-то и они между собой создают комплексность, они внутри. Что это такое — комплексность социологии?

Келасьев В. Н.: Вы меня неверно поняли... Вообще, с моей точки зрения, деление факультетов по такому принципу: психология, социология, философия, мне кажется бесперспективным, оно устарело...

Козловский В. В.: Вячеслав Николаевич, Вы очень глобальный вопрос поднимаете. О существовании социологии, вопрос, действительно, очень сложный.

Келасьев В. Н.: Я хочу сказать, что в социологии самой по себе, как мне кажется, перспектив мало. Жизнь требует ее союза с другими специалистами.

Козловский В. В.: Она может только чем-то подпитаться.

Келасьев В. Н.: Я не вижу пока только чем. Но думаю, что потенциал социологии самой по себе исчерпан. Мы все чувствуем некоторый тупик. Будущее развитие, с моей точки зрения, за счет выхода социологии в некоторый новый контекст. Надо стремиться к нему, а не уходить от него.

Козловский В. В.: Какое провокационное заявление сделал Вячеслав Николаевич! Чтобы обвинить социологов, здесь сидящих, именующих себя таковыми, что у них вообще хлеба-то маловато, если есть вообще свой собственный хлеб. Вот, Римма Павловна, как Вы думаете, так это или нет? Или все-таки есть еще порох?

Шпакова Р. П. (проф. ф-та социологии СПбГУ): Теоретическая социология в плане систематической, хорошо структурированной и логически аргументированной науки у нас отсутствует. Это подтверждается и отсутствием весомых результатов. Разумеется, наши студенты знают многое, о чем классики социологии и не подозревали. Но если мы хотим понять современное общество и его динамику, то мы неизбежно должны вернуться к Марксу и Ленину, наследие которых мы столь расточительно и небрежно отвергли. Объективно и по существу мы с ним никогда и не были знакомы. Но это наследие стало теоретической базой огромной цивилизации, существующей и поныне. Отброшена вся социология советского периода, в том числе впечатляющие плоды так называемой ленинградской школы, которой и по сей день интересуются западные исследователи.

Мы остались с пустыми руками, в то время как на Западе успешно развивается марксистская теория социального действия, марксистская феноменология и т. п. Множественность теоретических схем, гуляющих сегодня на поле отечественной социологии, имеет пока странное следствие: западная теоретическая социология берется у нас в отрывках и частях, постигаемых в меру собственного понимания и часто плохо подогнанных друг к другу. Отсюда и результат.

Мы должны четко, внятно ответить на вопрос, чего мы хотим от социологии. С этим вопросом связан другой: нуждается ли общество в ней. В зависимости от грамотного ответа на них находится судьба наших выпускников. Будут ли они востребованы на рынке труда или будут воплощением типа схоласта, опоздавшего в свое время. Пока же ясно, что социология у нас, «как там», сегодня не получится. Но это не повод для разочарования. Напротив, нужны воля и усилия для движения «на глубину» с целью усвоения во всей полноте уже существующего фундаментального научного арсенала, а это огромная, трудная рутинная работа. Нужна, далее, аналитическая рефлексия, без которой невозможно успешное перенесение категорий и методик западной социологии в исследование отечественных реалий.

Дука А. В. Можно вопрос Вам? Вы говорите о «деланности» социологии? Это как проект, который делается определенным образом, или это возникающее явление?

Шпакова Р. П.: То, что для нас кажется неважным, неинтересным, к социологии не имеет отношения. Вот Чехия, Венгрия, Польша в НАТО. Это опять они Европа, а мы рядом. Они спрашивают, как вы живете. Мы вроде все знаем... Мы сейчас находимся в странной ситуации. Они уходят, а мы опять нигде. Но нужна ли социология? Неизвестно. В эпоху потрясений она прекращает свое существование, поскольку социология сильно связана с реальным бытием. Пример той же Германии говорит об абсолютной амнезии социологии. После войны социологии никакой не было, многие были в Америке и не было развития. Они вернулись только в 1970 г. Может быть, и нам тоже пригласить

американских социологов для очередной кампании и достаточно. Знаете, здесь очень серьезные проблемы.

Козловский В. В.: Конечно, допускаю некоторую интерпретацию, вы уж меня одергивайте. Но в словах Риммы Павловны прозвучала надежда, что если мы инвентаризацию произведем, можно надеяться на результативность нашей работы.

Шпакова Р. П.: У нас свои проблемы. Даже телефонные опросы у нас другие. Мы другие. Другой язык — это важный фактор. Даже в мелочах многое выглядит иначе. Например, Вебер — классик. Они знают, почему он у них классик, а мы нет. Я могу, коль скоро я им занималась, сполна могу вам доказать, что набор проблем у нас иной. Так что надо посмотреть на социальный портрет социологии.

Козловский В. В.: В общем, поставлены совершенно новые проблемы. Поэтому разговор можно продолжить в разных направлениях. Мне представляется, уже назрел такой вопрос: есть ли необходимость в социологии в целом. Хотя этот вопрос можно оставить за скобками. Тогда проблема в том, что может быть речь идет о нормальной адаптации инструментария, теорий, которые наработаны. В связи с этим вопрос можно поставить прямо перед социологами, которые занимаются такого рода работой. Скажем, вот Владимир Костюшев использует различного рода инструментарий для исследования массовых движений или социальных движений. Может быть, наши коллеги С. И. Голод, В. А. Дука могли бы добавить что-либо по этому поводу. У нас есть представители, которые пока не проявили себя, ждут своего часа. Виктор Михайлович Воронков. Он мог бы тоже высказаться по этому вопросу. Центр его известен как независимый центр. Возможна ли вообще адаптация западной социологии. к нашим проблемам или необходима своя, независимая от нее социология?

Воронков В. М. (директор Центра независимых социальных исследований) : Известно, что ответом на неправильно поставленный вопрос должна быть критика самого вопроса. Я теперь понимаю (после последнего вопроса Владимира Вячеславовича), о чем идет дискуссия. Сначала я настраивал себя на обсуждение петербургской ситуации. Теперь я хотел бы прояснить свою позицию по поводу науки, которая называется у нас социологией, и о том, какая социология нам нужна. Я вовсе не считаю, что социология должна служить обществу (власти, народу). Как социолог я обращаюсь исключительно к своим коллегам, неважно, где они живут, в Петербурге, в России или в Испании (где, как мне известно, социология все же есть). Социология существует для сообщества профессионально любопытных людей, которые хотят получить ответы на собственные вопросы, почему люди действуют так или иначе, какие правила существуют в различных социальных средах. В этом смысле каждый человек социолог, и если некоторые люди ухитряются на этом зарабатывать деньги, то они профессиональные социологи.

Если применить понятие профессиональности, то, наверное, ни один из присутствующих здесь не может в полной мере назвать себя социологом. Во-первых, ни у кого нет специального социологического образования. В этом самая большая беда тех социологов, кто старше 30 лет. Во-вторых, честно говоря, у нас не существует профессионального сообщества в подлинном смысле слова. Я сожалею, что у нас почти нет людей, с которыми мы можем регулярно

встречаться и обсуждать профессиональные проблемы. Какие-то семинары иногда возникают, кое-кто туда приходит, а заинтересованного разговора нет. Мы не обсуждаем наши исследования, а охотнее ведем ангажированные публицистические дискуссии, Каждый занят каким-то своим тщательно скрываемым от других кусочком деятельности, направляя к себе маленький долларовый ручеек. Поэтому такие события как выпуск журнала, который сейчас стал издаваться, или попытку обсудить наши проблемы на такого рода семинаре я оцениваю очень высоко. Хотя считаю, что этого еще очень мало, чтобы говорить о наличии сообщества. В-третьих, хотел бы возразить Александру Владимировичу, что не имею оснований не верить кому-то, что он социолог, если тот идентифицирует себя как социолога. И очень важное доказательство профессиональности это то, что социолог зарабатывает деньги своей собственной профессией, а не чем-нибудь иным. Все тут, вроде, зарабатывают деньги социологией, зарабатывают достаточно, и в этом смысле они социологи.

Другой вопрос, какие мы социологи. В подавляющем большинстве мы российские социологи, продолжатели советской социологии, которая была изолированной наукой (а скорее идеологией), не интегрированной в мировую социологию. Те знания, которые развивала мировая социология, не были здесь известны по разным причинам, либо мы не представляли, что нам надо читать, либо нам нельзя было этого читать. Неважно. Мы создали свои собственные представления о том, что такое социология. И до сих пор продолжаем их развивать.

Все исследования, с которыми я знакоюсь, а собственно исследований к тому же крайне мало, к сожалению, никак не позиционированы в поле дискуссий, которые ведутся в мире по этим темам. Хотя они могут быть очень интересны, но поскольку они в этой дискуссии не позиционированы, то любой западный социолог скажет, а что нам с этим делать. Мы даже не знаем, кому это может быть интересно. Другие понятия, другие категории, полное отсутствие знаний об исследователях из других стран. Поэтому здесь продолжает консервироваться по-прежнему изолированная от других социология с представлениями о том, что это общество не может объяснить никто, кроме нас самих. Хотя выясняется, что особенно мы сами не можем себя объяснить. Но привыкли априорно утверждать, что «их» теории не подходят, что у нас совсем другие люди с загадочной душой.

Такая рационализация связана, конечно, с тем, что мы не знаем этих теорий и результатами, которые получаем, вовсе не пытаемся опровергнуть западные теории или, скажем, их улучшить. Нас это все не интересует, мы просто этого не знаем. Таким образом, мы ограничиваем себя во многих направлениях социологии и продолжаем существовать автономно. Отсюда идут и попытки опереться на совершенно маргинальную историю российской социологии, хотя обращение к этим социологам только затуманивает попытки объяснить наше общество сегодня.

Есть большие сомнения, существует ли наша социология как наука. С другой стороны, безусловно существуют отдельные социологи, которые включены в международное сообщество, которые функционируют в мировой науке социологии, а здесь почти не общаются (да и зачем?!). Я могу назвать очень немногих, кто вполне вписался в международное сообщество. Большей частью

в Москве, в меньшей степени здесь, в Питере. Мы же по-прежнему воспроизводим образец организации науки, который существовал в советском обществе. Наука была специально построена для такого государства, государства советского типа. Образование было отделено от науки, наука была разделена на две части — отраслевая и академическая. Сегодня это все воспроизводится, в том числе в социологии.

Перспективы? Я не могу сказать, что вижу оптимистические перспективы в виде создания мощных центров социологических исследований в Петербурге или Москве. Потому что, к сожалению, подготовка социологов слабая. Социологи попадают на Запад и пытаются сравнить свои знания и свои возможности с возможностями западных коллег, видят, как они сильно проигрывают. Для российских условий они, конечно, востребованы. Они все находят места, и все достаточно зарабатывают, правда, не в науке, а в опросах общественного мнения или маркетинге. Поэтому те, кого мы здесь готовим, едут на Запад, чтобы получить образование получше и реализовать желание занять достойное место в науке. Если они возвращаются, то становятся новыми центрами кристаллизации, вокруг которых функционируют новые представления о том, как должна быть организована социология. Но она уже не территориальная, потому что в сегодняшней системе коммуникаций и телекоммуникаций совершенно неважно, где человек находится. Будь это в самом последнем Урюпинске. Но если у социолога компьютер, e-мэйл, Интернет, то ему больше ничего не надо. Ему надо несколько раз в год выезжать на конгресс, на конференции. Поэтому в молодом поколении на российской почве (но в рамках мировой социологии!) возникнет довольно много ученых, которые сетевым образом будут создавать новое сообщество. А мы все постепенно вымерем и освободим место для этих других и не будем инфицировать новые поколения социологов нашими убогими представлениями.

Гилинский Я. И.: Позвольте. Прежде чем вымереть, хотя я с этим полностью согласен, у меня две реплики. Первая реплика — задача любой науки, включая социологию, только одна — это приращение знаний об объекте и выявление закономерностей этого объекта. Эти приращенные знания и выявленные закономерности овеществляются в виде публикаций. Вот все, чем должна заниматься наука. Все остальное от лукавого. Вторая реплика. В отношении знания зарубежной социологии или отраслей зарубежной социологии и вхождения в мировую социологию, в мировое сообщество. Я абсолютно согласен с Виктором Воронковым. Понимая и осознавая это, мы пытаемся вползти, войти мы пока еще не можем, в мировое сообщество по нашей специализации. Мы устраиваем международные встречи, конференции здесь и приглашаем коллег. Мы постоянно выезжаем на международные встречи во всем мире, включая Австралию и Новую Зеландию, не говоря уже о Европе и Америке. Мы пытаемся переводить и пытаемся публиковаться на языках — на английском, на немецком и на других. Повторяю, это только осознание того, что это необходимо. Осуществить это в полном объеме мы по многим причинам еще не можем.

Козловский В. В.: У нас есть возможность в письменном виде дополнить материалы этого круглого стола. Игорь Петрович Яковлев хочет войти в дискуссию.

Яковлев И. П. (проф. ф-та социологии СПбГУ, зав. кафедрой общей социологии): Сотрудники нашей кафедры читают курсы социологии на всех факультетах университета и ряд спецкурсов на факультете. Студенты удовлетворены.

Но я хотел сказать о другом. Вы все знаете книгу Джонатана Тернера «Структура социологической теории». У меня есть вариант 1991 г. на английском языке, дополняющий вариант 1985 г. Там приведено более 30 социологических концепций. Они сгруппированы в четыре раздела: функционализм, теория обмена, интеракционизм, структурализм. А внутри более дробные. Возникает такой вопрос: есть ли у нас теоретическая социология? Недавно вышла книга «Социология в России» под редакцией В. А. Ядова. Там средний уровень проблем хорошо представлен, а общетеоретических нет. Есть ли у нас теоретические концепции? У того же Тернера нет никого из наших социологов. В русле каких концепций мы работаем? Одна есть четкая — марксизм. Например, В. Я. Ельмеев был до перестройки марксистом, сейчас им остается и открыто заявляет об этом. А с другими направлениями не ясно. Необходимо, может быть, провести инвентаризацию, обсудить то, что фактически есть. Фактически социологи работали в разных направлениях, не называя их. Хорошо бы как-то это обозначить. Это может стать предметом обсуждения на планируемом социологическом конгрессе. Теперь второе. Ядов сомневается нужны ли феноменологи на практике. Позитивистская линия есть, она хорошо работает. Но вот, например, родилась новая специальность: «Связи с общественностью». Она коммуникационная в своей основе. А методологические проблемы связаны с интеракционизмом и символическим интеракционизмом. Но люди, которые занимаются этими вещами, еще не осознали потребность в этих концепциях. В принципе в них есть потенциал для анализа процессов коммуникации между людьми, как передается информация, как возникают новые смыслы. В связи с этим нуждается в развитии социология коммуникаций. Это я говорю к тому, что необходим выход в практику. У символического интеракционизма есть перспективы в области public relations, рекламы, имиджмейкерства и др.

Костюшев В. В.: Моя первая реплика была связана с 1970-ми гг. По поводу последнего десятилетия есть три тезиса.

Тезис первый. Во-первых, не надо преувеличивать кризис нашей науки, я имею в виду отечественной социологии, потому что он является следствием и отражением кризиса социологии как науки во всем мире, в разных странах и в ведущих международных научных центрах. Не так давно в Москве была всероссийская конференция «Будущее России и новейшие социологические подходы». Обсуждался институциональный кризис социологии, дисфункциональность многих привычных институтов, от университетов до исследовательских центров. Сейчас формируются принципиально новые парадигмы организации научно-исследовательской деятельности. Во-вторых, методический кризис, в-третьих, концептуальный кризис. Не случайно Монреальский конгресс ничего лучше не придумал кроме проблемы глобализации. Это, в некотором смысле, теоретическое, концептуальное фиаско. Поэтому не надо преувеличивать отставание отечественной социологии.

Второй тезис. Мы находимся накануне каких-то новых важных открытий парадигматики, методических вариантов и организационной жизни социоло-

гии как науки. Это связано с междисциплинарностью в том числе. В советские годы действующие социологи действовали в тех концептуальных подходах и парадигмах, которые были представлены в мировой социологии. У нас были и феноменологи, и структурные функционалисты, и т. д. Может быть, это было не столь ярко. Человек не мог себя назвать работающим в традициях этнометодологии или структурного функционализма. Но то, что называлось советской социологией, это был такой институт, внутри которого существовали многие классические социологические подходы, более или менее выраженные в каждом индивидуальном исследовательском опыте. Я даже специально в спецкурсе на факультете использую понятие «индивидуальные исследовательские практики», которые реально существовали в советской социологии. От таланта человека, от его коммуникативности, от работоспособности зависела полнота и яркость проявления.

Последний третий тезис. Многие дискуссии показывают, что сейчас мы находимся в стадии метаморфоз, и университетского образования, и Академии наук, которые принципиально должны изменить содержание и профиль своей деятельности. Небольшой показательный пример. Дмитрий Гавра говорил про печальную судьбу заводской социологии. Почти на каждом относительно крупном предприятии была социологическая служба. Особенно в Ленинграде. Это мы хорошо знаем. Целая каста, школы, конференции, много людей, исследований. Все исчезло. Стоит ли сожалеть об этом? Ведь это был придаток чисто советской системы организации производства и науки и т. д. Эта служба занималась обслуживанием аппарата заводууправлений и проч. Только некоторые, как всегда, находились талантливые сильные люди (к примеру, Борис Иванович Максимов, Алла Александровна Русалинова и другие занимались наукой). Сейчас это все полностью исчезло. Но действуют другие исследовательские центры. Например, ИСИТО (Институт сравнительных исследований трудовых отношений), который представляет свои результаты в монографиях, на конференциях. У него есть во многих городах филиалы. Вполне удовлетворительная профессиональная качественная работа. Это доказательство того, что сейчас ситуация метаморфоз. Вырабатываются принципиально новые модели.

Наконец, парадоксальное заявление. Во всем мире происходит трансформация. Все это признают. Может быть, у нас, в России, намного проще организовать эти новые модели в ближайшие пять лет, может, десятилетие, найти те варианты, адекватные эффективной исследовательской жизни, чем в более устойчивых западных обществах. В Петербурге сам Бог велел заниматься эффективной исследовательской работой. И не обслуживать общество, а удовлетворять собственное любопытство. С этим я полностью согласен. Если мы будем писать хорошие книги, а их будут читать, мы выполним свою задачу.

Козловский В. В.: Уже было сказано, что социологи нужны самим себе. Общество существует само по себе. Социологи удовлетворяют свое любопытство и нужны лишь сами себе. Есть и другие мнения.

Воронков В. М.: Не могу согласиться с тезисом, что кризис нашей социологии является отражением кризиса мировой социологии. Кризис мировой социологии понятие довольно условное. Если 20–30 лет назад это было актуально, то сегодня нет. Да дело и не в этом. Наша социология никаким боком там не лежала. У нее свой собственный кризис как некой идеологии. Давайте спросим

себя, что мы внесли в мировую социологию. Ничего. Где мы упоминаемся, где мы цитируемся, в каких мировых учебниках? Мы там как социологи не существуем.

С удовольствием поддержку тезис — а где исследования? Для того, чтобы развивать какую-то теорию, надо вести исследования. Редкие социологи ведут нормальные исследования, и в основном те, кто не преподает.

Публикации. Кто читает эти публикации, где мы это публикуем, много это или мало. Хорошо, что есть журнал, где можно что-то опубликовать, но хорошо, чтобы его еще и читали, и важно, кто это будет читать. Сегодня, если говорить честно, мы должны публиковать все на английском языке, журнал издавать на английском языке. Если мы хотим быть интегрированными в социологию в «их» понимании. Конечно, хорошо бы они читали по-русски, хорошо бы они по нашим правилам играли. Но мы не можем навязать им свои правила, а они нам запросто смогут. И если будем сопротивляться, то останемся изолированной страной с изолированной социологией, к чему и так достаточно склонны.

Что касается новых моделей, то я бы согласился с тем, что на пустом месте, где все разрушается, легко создавать новые модели. Вопрос, кто будет создавать. У меня есть большие сомнения, что наше поколение может что-то создавать. Мы можем чему-то способствовать в лучшем случае, но создавать не получается. Я уже говорил, что рынок довольно велик и там достаточно много можно зарабатывать. Но мы говорим сейчас о возможности получать деньги за науку. Здесь возникает желание идти по легкому пути — обслуживать зарубежного заказчика результатами исследований. Что получается? Мы не включены в западную дискуссию. Мы потворствуем научному колониализму, стимулируем его. Мы даже не стараемся от него избавиться. Нам главное деньги получить и отдать результаты. Заинтересованы ли мы рекламировать себя своими докладами и статьями на Западе? Совершенно не заинтересованы. Сколько раз каждый из Вас в прошлом году выступил на значимых конференциях за рубежом, сколько статей опубликовал в известных журналах на Западе? Увы. Это касается не только тех, кто занимается маркетингом, но и тех, кто действительно проводит исследования. Не вижу возможностей эту ситуацию изменить в массе. Хотя у нового поколения возникают какие-то новые идеи, которые, возможно, дадут эффект.

Виноградов В. Д.: Хотел бы обратить ваше внимание на одну важную отрасль социологического знания — социологию политики. В повседневной практике ее часто называют политической социологией. Хотя некоторые исследователи видят между ними различия. Особенно тогда, когда дело касается вопроса соотношения политической науки и политической социологии.

Как научное направление, политическая социология в западных странах возникла и институционализировалась в 50-х гг. XX в. Это общепризнанный факт. Хотя дискуссии по поводу объекта и предмета исследований продолжаются до сего времени как за рубежом, так и у нас. В качестве учебной дисциплины она стала преподаваться на факультете социологии Санкт-Петербургского университета с 1991–1992 учебного года студентам всех форм обучения. При определении объектно-предметных характеристик и категориального аппарата этой отрасли знания постоянно присутствуют вопросы: в чем сходство и различие между их набором и содержательными признаками в политической

социологии и в политологии. Какой подход использует та и другая научная дисциплина в анализе по сути дела одних и тех же казалось бы проблем? Это важно, тем более что политология, придя на смену научному коммунизму, преподается во всех вузах страны, как того требует государственный стандарт.

Видимо, нет надобности искать и возводить «китайскую стену» между этими двумя отраслями знания, как, впрочем, и между всеми социальными науками, ибо мы видим, что в последние годы в социальной отрасли знания происходят качественные сдвиги, связанные с процессами специализации, дробления и гибридизации. Но это бесспорное утверждение не означает, что политическая социология не имеет своего предмета исследования. Да, порой трудно выявить и провести четкие различия в теоретико-методологическом и категориально-понятийном плане между политической социологией и политологией. Но предметное исследовательское поле политсоциологии видится в соотношении «социального» и «политического». Являясь частью социологического знания, частью социологии, эта научная дисциплина исследует политические явления, политические процессы, политические отношения не как имеющиеся данные величины, элементы и т. д., а как результат их превращения из социальной субстанции. Почему «социальный человек» становится «политическим», субъектом властных отношений, субъектом политической власти — это явление является важнейшим для политсоциологии. Конечно, современная политология не может обходиться без социологии, без социологического подхода, анализа. Если бы это произошло, «эффективность» политологии была сведена к простому описанию существующих политических реальностей. В то же время политсоциология занимает промежуточное положение между социологией и политологией, опирается на их методологические обоснования. Думается, не случайно некоторые западные исследователи, например, Дж. Сартори, приходят к выводу о том, что политическая социология «представляет собой междисциплинарный гибрид, стремящийся сочетать в себе социальные и политические объяснительные переменные, т. е. исходные данные, предлагаемые социологом, и исходные данные, предлагаемые политологом» (Политическая наука: Новые направления. М., 1999. С. 129).

Наряду с разграничением «сфер влияния» социальных отраслей научного знания, их традиционным исследовательским полем и понятийным аппаратом, мы отчетливо видим в то же время активный обмен между ними методологическими приемами, смежными категориями, результатами, статистическими показателями и т. д. То есть всем тем, что принято называть сегодня процессом гибридизации наук. Мне кажется, что можно согласиться с мнением многих зарубежных и отечественных исследователей, что данный процесс принесет нам исключительно позитивные результаты.

Фетисов В. Я. (проф. Российского гуманитарного института при СПбГУ): Обсуждение многих проблем социологии, а тем более ее состояния в целом, произвольно переходит в выяснение специфики данной науки, о чем свидетельствует и наша встреча. Это вполне естественно, ибо та или иная трактовка социологии предопределяет как постановку, так и решение важнейших ее вопросов. Мне бы хотелось кратко остановиться на тех особенностях социологии, которые «высвечиваются» в процессе ее преподавания.

В преподавательской практике приходится анализировать и сравнивать различные подходы к социологии и ее предмету, которые, в свою очередь, опреде-

ляют соответствующую интерпретацию содержания, структуры, методов и функций этой науки. Наиболее предпочтительна, на мой взгляд, та трактовка предметного поля социологии, которая связывает его с социальной жизнью. Здесь нет возможности давать конкретную характеристику последней. Следует лишь отметить: ее основу составляет процесс воспроизводства и развития индивидов и общностей как социальных образований. Этот процесс, в свою очередь, предполагает взаимодействие индивидов с социумом и с миром в целом. Характер данного взаимодействия весьма широк: подавление личности, тотальная регламентация всех сторон ее жизни государством и обществом на одном полюсе до полной бесконтрольности, состояния вседозволенности на другом. -

Наиболее оптимальный способ взаимодействия — диалог личности и общества, в результате которого происходит их взаимное обогащение. Можно предположить, что широкие возможности для такого взаимодействия создаются по мере становления гражданского общества, в котором достигается определенный баланс вертикальных и горизонтальных связей. Не случайно ряд авторов склоняется к мнению, согласно которому предметом социологии является гражданское общество. Весьма показательно и то, что теории, рассматривающие индивидов и социум изолированно друг от друга и, следовательно, игнорирующие их взаимодействие, хотя и того их авторы или нет, покидают предметное поле социологии. С этой точки зрения заслуживают критического анализа такие альтернативы как «реализм-номинализм», «объективизм-субъективизм (конструктивизм)», «системосозидание-бытописание», «социология-культурология» и т. д. О том, что подобные антиномии препятствуют развитию теоретической социологии, справедливо пишет А. Филиппов (О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. №1/2).

В данной связи важно представить социологию как систему знаний, ибо, как известно, системность — атрибут любой науки. Однако сделать это невозможно без выделения в ней постоянных взаимодействующих компонентов — личности и общества. Конкретно их взаимодействие проявляется через различные виды деятельности людей, типология которых была дана еще М. Вебером. Представляется, что она, по сути, не потеряла своего значения и в наше время, хотя, конечно, требует существенных корректив.

Важная черта происходящей в нашем обществе противоречивой трансформации — изменение связей между обществом и личностью. Она выражается в распределении целерациональной деятельности, основными субъектами которой являются средние слои. Ориентация на обслуживание индивидов, общностей и институтов гражданского общества, а не только государства, содействие формированию субъектов названной деятельности — все это входит в круг задач социологии. Поэтому вряд ли можно согласиться с прозвучавшим здесь мнением, согласно которому диапазон функций социологии сегодня сужается вплоть до удовлетворения любознательности занимающихся ею людей.

Вопрос о специфике социологии, как мы видим, органично связан с представлением и разработкой ее как такой системы знаний, которая исследует постоянно изменяющееся взаимодействие между личностью и социумом, в результате чего происходит их воспроизводство и развитие. В осознании этой специфики важная роль принадлежит социологии как учебной дисциплине. Теоретик, занимаясь исследованием отдельных явлений, далеко не всегда рас-

крывает их связь с другими процессами. Известно, как глубоко зашли в современной науке специализация, дробление, фрагментация знаний. Преподаватель же, если он стремится дать конкретное представление о социальной жизни в целом, вынужден раскрывать не только отдельные темы, но и показывать связь между ними. Тем самым, если он думающий и профессиональный преподаватель, так сказать, он обречен на изложение социологии как системы знаний. Процесс преподавания, следовательно, дает импульсы к поиску единства, целостности изучаемого материала.

Поэтому процессы исследования и преподавания должны взаимодействовать и взаимообогащать друг друга. К сожалению, пока связь между ними слабая. Одна из причин этого — «рассыпчатость» социологической науки. При чтении даже обобщающих трудов создается впечатление, что социология представляет собой совокупность отдельных, отраслевых социологий. На это обстоятельство справедливо обратил здесь внимание проф. И. П. Яковлев, имея в виду монографию «Социология в России».

Таким образом, возникает необходимость в поисках и в теоретическом, отрефлексированном обосновании тех начал, которые скрепляют разные стороны социальной жизни как предмета социологии и позволяют представить данную науку как динамическую систему знаний. С этой проблемой тесно связана и другая, также затронутая здесь: «Должен ли социолог работать только на своем поле или ему нужно стремиться к комплексным, междисциплинарным исследованиям?» Очевидно, необходимо и то, и другое, ибо процесс воспроизводства и развития индивидов и общества протекает не в «чистом» виде, а осуществляется через техническую, экономическую, политическую и другие формы специфической деятельности. Таким образом, решение ряда важных проблем зависит от постоянной взаимосвязи социологии как науки и учебной дисциплины. Представляется, что для их сотрудничества в нашем городе есть все возможности, которые нужно активно использовать.

Подготовил Козловский В. В.